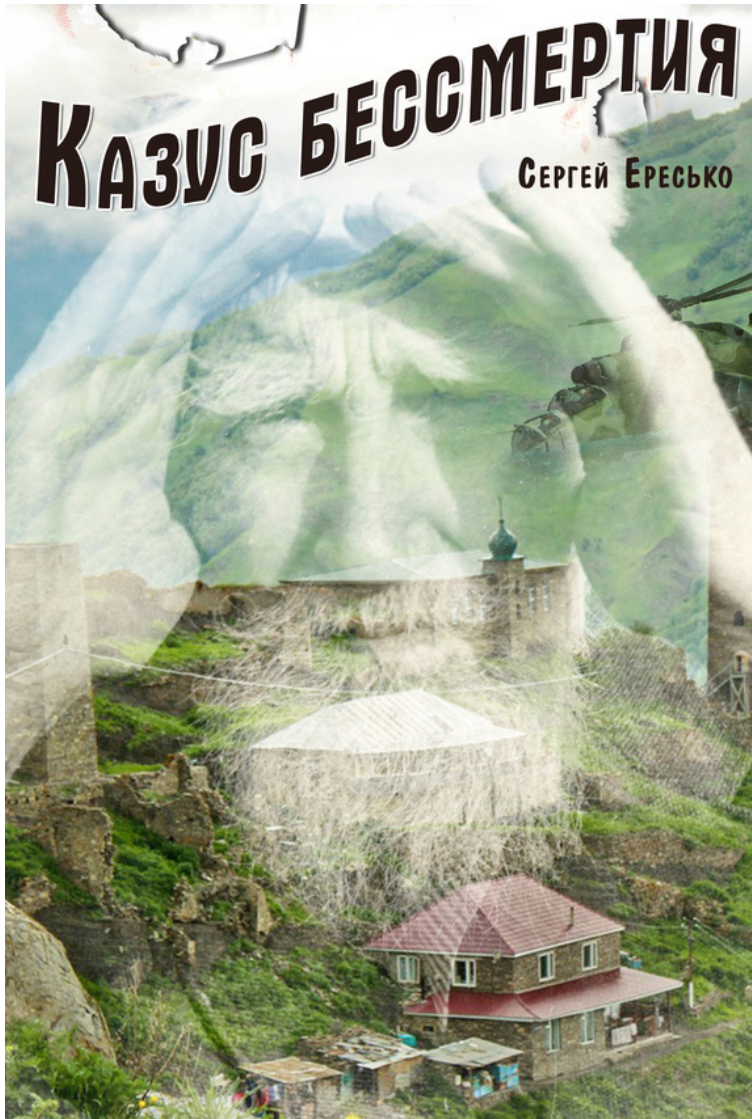

КАЗУС БЕССМЕРТІЯ

СЕРГЕЙ ЕРЕСЬКО

Сергей Ересько

Казус бессмертия

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8224778

Аннотация

Москва. Лето 1984 года.

Посреди небольшого кабинета стоял крепкий деревянный стул. На нем сидел худощавый пожилой человек среднего роста с бритой наголо головой, одетый в спортивный солдатский костюм-трико синего цвета, состоящий из брюк, растянутых в области коленок и футболки с длинными рукавами. На ногах его желтели банные тапки-шлепанцы. Стул был неудобным. Спинка по отношению к сидению имела угол в девяносто градусов. Для того, чтобы прислониться к ней лопатками, приходилось сползать тазом на самый краешек стула. Но находиться долго в таком положении было нельзя, потому что начинала ныть поясница, и приходилось возвращать тело в первоначальное состояние, в котором сидящий человек походил на проглотившего лом страуса. В этой позе также не удавалось долго просуществовать. Поэтому пожилой постоянно ерзал на стуле и не находил себе покоя. За его движениями с удовольствием наблюдали двое.

Содержание

Предисловие	4
Пролог	5
Часть первая	12
Глава первая	12
Глава вторая	24
Глава третья	39
Глава четвертая	55
Часть вторая	65
Глава первая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сергей Ересько

Казус бессмертия

Предисловие

Прошу принять во внимание, что высказывания любого рода являются следствием мыслительной деятельности персонажей романа. Предлагаю отнестись к этому с пониманием и заранее прошу извинить за моральный ущерб, который, возможно, будет причинен некоторым психически неустойчивым личностям. Но злодей не может рассуждать, как гуманист, а правда – геометрическая фигура с бесконечным количеством граней.

Автор

О мертвом человеке говорят либо хорошо, либо никак.

(Народная мудрость).

О мертвых животных и других существах говорят как угодно.

(Следствие из народной мудрости).

Пролог

Москва. Лето 1984 года.

Посреди небольшого кабинета стоял крепкий деревянный стул. На нем сидел худощавый пожилой человек среднего роста с обритой наголо головой, одетый в спортивный солдатский костюм-трико синего цвета, состоящий из брюк, растянутых в области коленок и футболки с длинными рукавами. На ногах его желтели банные тапки-шлепанцы. Стул был неудобным. Спинка по отношению к сидению имела угол в девяносто градусов. Для того, чтобы прислониться к ней лопатками, приходилось сползать тазом на самый краешек стула. Но находиться долго в таком положении было нельзя, потому что начинала ныть поясница, и приходилось возвращать тело в первоначальное состояние, в котором сидящий человек походил на проглотившего лом страуса. В этой позе также не удавалось долго просуществовать. Поэтому пожилой постоянно ерзал на стуле и не находил себе покоя. За его движениями с удовольствием наблюдали двое.

Один из них – человек лет сорока с узким иезуитским лицом и такими же хитрыми и пронзительными глазами – располагался в кресле за тяжелым деревянным столом напротив

пожилого и улыбался тонкими язвительными губами. Второй – молодой человек лет двадцати пяти, коротко стриженный – сидел на удобном стуле справа от первого и с холодным интересом смотрел на мучения обритого. Оба были в штатском, но от них за версту разило военной выправкой и холеным офицерским превосходством.

Кабинет был полуподвальным. Лишь небольшое квадратное оконце, забранное железной решеткой, находилось над столом, но оно было темным, потому что за ним чернела ночь. Кабинет заливал тусклый, угнетающе-желтый свет. На столе стояла мощная настольная лампа. Она не работала. Пока. Пожилой знал, что ее включат и направят пучок света ему в глаза. Но не сейчас. Позже. Обязательно...

Сорокалетний негромко начал говорить. Молодой принялся бойко переводить русскую речь на испанский язык. Пожилой замер в неудобной позе и стал внимательно слушать.

– Я – полковник Фролов, – представился сорокалетний, – переводит лейтенант Сухов.

Фролов указал рукой на молодого человека, и тот кивнул головой. Полковник продолжил:

– Я полагаю, вам известно, где вы находитесь.

Пожилой сделал головой утвердительный жест.

– Мы представляем страну, которая называется Союзом Советских Социалистических Республик. Поскольку вы незаконно оказались на нашей территории, то мы от лица

государства осуществляем в отношении вас определенные действия.

Полковник встал и принялся ходить по кабинету. Холодные бледно-голубые глаза пожилого внимательно следили за ним. Фролов рассказывал:

– Итак, двадцатого июня в одесском грузовом порту при вскрытии подозрительного ящика с бразильскими мясными консервами был обнаружен неизвестный человек, который находился внутри тары и, получается, тайно и незаконно проник на территорию страны. Он, естественно, был задержан и допрошен нашими одесскими коллегами. Оказалось, что с испанским языком он знаком лучше, чем с португальским и поэтому все общение, по его же просьбе, осуществляется на первом из них. Согласно его показаниям, он – гражданин Парагвая и к Бразилии никакого отношения не имеет, хотя в контейнер с консервами залез именно в бразильском порту. Далее из его слов следует, что по национальности он является испанцем, сбежавшим из Парагвая от произвола, чинимого кровавым режимом Стресснера, и зовут его Педро Гонсалесом. Документы у него украли, поэтому он нищенствовал в Сан-Паулу. Забрался в деревянный ящик с консервами потому, что решил уехать из Бразилии в Испанию. Попал в Советский Союз нечаянно. Партию консервов перепутал. Выехать из страны можно было только таким способом, так как у него не было ни денег, ни документов. Так?

– Да, господин полковник, – утвердительно кивнул голо-

вой Гонсалес.

Он занервничал и скороговоркой продолжил:

– Какими бы странными мои действия не казались, все это является правдой. Более того, я клянусь, что у меня и в мыслях не было бежать именно в вашу страну...

– Но ведь вы – борец с кровавым режимом!

– Но не до такой степени, чтобы хотелось жить в коммунистической стране, извините. Прошу вас выслать меня обратно в Бразилию, или любую другую страну мира, на ваше усмотрение. За исключением Парагвая, естественно. Я согласен даже на запечатанный ящик с консервами, чтобы ваше государство излишне не тратилось на приобретение билетов и не увязло в дипломатических переговорах.

Сухов рассмеялся. Фролов улыбнулся и сказал:

– А вы, я вижу, шутник. Но все не так просто. Одесские сотрудники КГБ заметили, что вы никоим образом не похожи на испанца. А на латиноамериканца – тем более. После того, как они остригли ваши длинные волосы на голове и сбрили бороду, подозрения их усилились...

– Господин полковник, в Парагвае живут люди многих национальностей. Они давно перемешали свою кровь. Неизвестно, с кем таскалась моя прабабушка...

– Странное отношение к предкам для испанца, вы не находите?

– Ничего странного. Я хорошо образованный человек и – враг всяких условностей и суеверий.

Гонсалес смотрел на Фролова с вызовом. Тот усмехнулся, уселся в кресло и сообщил:

– Наши одесские коллеги также сообщили, что в вашей испанской речи присутствует легкий акцент.

– В Парагвае большинство населения общается между собой на языке гуарани. Отсюда – не совсем чистое произношение.

– Возможно, возможно...

Фролов включил настольную лампу, повернул ее нужным образом, и яркий луч света хищно впился в лицо Гонсалеса. Тот зажмурился и отвернул голову вправо. Полковник взглянул в какую-то бумагу, лежавшую на столе, и продолжил разговор:

– Как бы там ни было, но мы заинтересовались вами и приказали доставить сюда, в Москву. И, как считаю я, правильно сделали. А почему, сейчас объясню.

Он подвинул к себе пачку бумажных листков и принялся рассказывать, постоянно заглядывая в нее и сверяясь с информацией:

– Итак, я говорю, а вы слушаете. Парагвай не имеет дипломатических отношений с Советским Союзом. Более того, в это государство вообще запрещен въезд «советикос» из любой страны мира. Но, смею вас заверить, господин Гонсалес, КГБ известно все. На то он и КГБ. На протяжении всего своего правления господином Стресснером проводится планомерный и целенаправленный геноцид в отношении

коренного индейского населения страны. Уже сейчас чистокровных индейцев племени гуарани осталось не более пяти процентов. У других племен дела еще хуже. Подавляющая часть граждан – метисы. Испанцы – один процент. Другие национальности – шесть процентов. Из этих последних одна половина – немецко-фашистские недобитки, скрывшиеся от справедливого возмездия после второй мировой войны. Вторая же состоит из белогвардейцев, сбежавших из России еще ранее, и их потомков. Потрясающий контингент, вы не находите?

Гонсалес кивнул, не поворачивая головы, и переменял положение, съехав тазом на край сиденья. Фролов вещал дальше:

– Испанцы (впрочем, и фашисты тоже) имеют в стране самое привилегированное положение. Ни один из них не работает веником и на паперти не сидит. Что же вам не понравилось в режиме Стресснера, господин Гонсалес?

Тот молчал. Полковник повысил голос:

– Сколько вам лет?

– Шестьдесят, – ответил испанец.

– А выглядите лет на пятьдесят. Получается, что целых двадцать лет вас устраивал режим Стресснера, а потом, вдруг, перестал? Странно. Вообще в вашем деле больше странностей, чем нормальных, логически сообразных вещей. Эта чертовщина с отпечатками пальцев, например... Ладно. Спрашивать о чем-либо сейчас вас бесполезно. Зав-

тра расскажете нам все.

Гонсалес встрепенулся и спросил:

– Вы будете меня пытаться?

Фролов рассмеялся:

– Что вы, мы же не палачи Стресснера. Сейчас, в наше время, существуют другие методы. Сами, без принуждения, расскажете все, что знаете и не знаете. А сейчас вас отведут в удобную одиночную камеру, дадут поесть и поспать. Вот только консула Парагвая не требуйте. Вам его все равно не предоставят, потому что дипломатических отношений нет. Получается, что вы – маленькое никто или, лучше сказать – ничто.

Полковник улыбнулся. Он нажал кнопку, вмонтированную в стол, дверь открылась, и двое солдат в форме с темно-синими погонами увели Гонсалеса по коридору. Фролов посмотрел на Сухова и заметил:

– Чувствую сердцем, что никакой он не Гонсалес. Типичная фашистская рожа. Не хватает только прически с пробормом.

– Так точно, товарищ полковник, – согласился лейтенант, – и акцент у него действительно присутствует. Но, не пойму, какой.

– Не ломай голову, Олег. Завтра все выяснится. – Фролов скривил губы в презрительной усмешке...

Часть первая

Глава первая

**Бразилия. Конгломерат Сан-Паулу.
Город Бертиога. Февраль 1979 года.**

Дом был относительно новым, небольшим и удобным. Внутри он имел три комнаты, кухню, переднюю и санузел, совмещенный с ванной.

Вокруг него располагался небольшой садик, в котором росли два апельсиновых дерева, и возвышалась клумба с какими-то непонятными, приятно пахнущими цветами. Дом с садом были окружены низеньким декоративным заборчиком с красивой резной деревянной калиткой. Район считался недорогим, но престижным. Все строения были однотипными и сдавались в аренду. Снимали жилье на этой улице различные люди, причисляемые к среднему классу. Жили здесь врачи, преуспевающие коммивояжеры, небедные семьи с детьми и без них, прибывшие из глубины страны с целью несколько недель пожить в свое удовольствие, и провести время на золотых пляжах океана, поправив тем самым

здоровье. Городок сильно располагал к последнему. Был он тихим и спокойным. Ему было все равно, кто правит страной, насколько подорожала ввозимая нефть и каков процент инфляции очередной новой бразильской валюты.

В самой большой комнате, посреди которой стоял огромный дубовый стол, в удобном мягком кресле сидел старик. На столе перед ним лежали: медицинский шприц, комок ваты, и стояли – флакон со спиртом, пробирка, наполненная прозрачной жидкостью, и настольная лампа. Был вечер. Солнце катилось к горизонту, и плавно надвигались сумерки. Оба окна были открыты и забраны легкими белыми шторами. Из левого пахло цветами, а из правого доносился шум океана. В доме царили прохлада и уют.

Старика звали Паулем Шрабером. Для его шестидесятивосьмилетнего возраста он выглядел неплохо, но, как говорится, возраст есть возраст. И если бледно-голубые глаза глядели перед собой живо и холодно, то полностью седая голова, морщинистое лицо и руки с тонкой сухой кожей, выпиравшей узлами вен, свидетельствовали о существенной изношенности его организма. Пауль, пристально вглядываясь в пробирку, размышлял...

Опыты, которые он производил в одной из комнат дома, превращенной в лабораторию, длились около пятнадцати лет. Эксперименты проводились на мышах. Им вводился препарат, находившийся в пробирке. За все эти пятнадцать лет ни одна из мышей не умерла, что само по себе яв-

лялось невозможной вещью. Срок жизни мыши крайне мал. Пятнадцать лет для мыши все равно, что триста-четырееста для человека! Жить, конечно, можно по-разному. Можно, например, состариться в семьдесят лет и дожить до ста в виде развалины, передвигающейся в инвалидной коляске. Мышам Пауля последнее не грозило. На протяжении всех пятнадцати лет они были резвы и веселы, плодились, но способность к долгожительству потомству не передавали, и, почему-то, ничем не болели. Ни одна из них не умерла естественной смертью. От ножа Шрабера – пожалуйста! Сами – нет. Пауль регулярно рассылал образцы крови в различные лаборатории для производства исследований. Ответы всегда приходили одни и те же: кровь прекрасна, мышцы здоровы, организмы молоды. Как ни крути, выходило, что Шрабер нашел путь к изготовлению эликсира бессмертия. Получение этого феноменального препарата было для него самого открытием. Опыты проводились для достижения совершенно другой цели. Вышло так, что бессмертие явилось побочным и, естественно, неожиданным продуктом. Вот только неизвестен был конечный результат действия этого эликсира...

Воздух в комнате вдруг наполнился различными запахами. Пахло розами, лавровым листом, дорогим коллекционным шампанским и свежим скандинавским ветром; жирно воняла нефть, соединяясь с запахом только что отпечатанных денежных купюр, и кисло отдавало сгоревшей взрывчаткой. К этому примешивались запахи апельсинов и сорта...

Последние два резко диссонировали со всеми предыдущими. Пауль понял, что апельсинами пахнет из садика, а сортиром – из правого окна. Видимо, по улице проехала ассенизационная машина. Шрабер отбросил в сторону последние запахи и осознал, что все остальные чудесно ассоциируются с Нобелевской премией. Он усмехнулся...

Приобретение высшей награды в его планы не входило. Да и была ли она высшей на самом деле? Неужели, смысл жизни талантливого ученого может заключаться в получении звания нобелевского лауреата или в радостном оприходовании премиальных денег? Может, существует и более осязаемая награда? Скорее – да, чем нет. Но только если будет выполнена поставленная перед собой задача, если попадание в цель, наконец, совершится! Но цели Шрабер пока не достиг, а обеспечить бессмертием страждущее человечество не входило в его планы абсолютно.

Он вздохнул, мысленно отогнал прочь от себя несерьезные запахи и вернулся к прежним размышлениям. Пауль подумал о том, что дело, которым он занимался большую часть своей жизни, так и не доведено до конца. Ряд успехов, конечно, состоялся, и это радовало. Но до завершения дела было еще далеко, а возраст диктовал свои условия, и неизвестно, сколько времени еще осталось, и хватит ли этого оставшегося времени... Вот здесь и выскочил этот препарат.

Шрабер уже рассчитал количество эликсира, необходимое для принятия человеком его композиции, но никак не

решался ввести сыворотку себе. Мыши, как известно, разговаривать не умеют, и что с ними происходит после принятия препарата, он не знал. Может, это жутко больно? А что случится с разумом? Пауль боялся и потому все не решался произвести эксперимент над собой.

Неожиданно раздалась настойчивая трель звонка. Шрабер встрепенулся и, чертыхнувшись, открывать дверь не пошел. Пусть думают, что никого нет дома... Но звонок не унимался. Трзвонили нагло и длинно, не собираясь, по всей видимости, прекращать это занудное действие. Пауль встал, подкрался к правому окну, слегка отвел штору и осторожно выглянул.

За невысоким забором, ограждавшим маленький аккуратный садик, Шрабер увидел свой небольшой «Фольксваген», пылившийся на улице. Между ним и калиткой маячил какой-то человек. Он переминался с ноги на ногу и непрерывно жал на кнопку электрического звонка. Пауль понял, что отсидеться не удастся и придется выйти к неожиданному посетителю. Он со злостью выругался, нацепил на нос очки и, старчески шаркая тапками, пошел открывать калитку.

Звонившим оказался молодой крепкий парень лет двадцати пяти. Коротко подстриженные черные вьющиеся волосы покрывали его большую голову. Мясистый горбатый нос торчал над пухлыми губами, а два больших, навывкате, глаза с темно-кариими зрачками пронзительно глядели на Шрабе-

ра. Молодой человек изогнул губы в улыбке и произнес по-португальски:

– Простите за беспокойство...

– Говорите по-испански, – раздраженно перебил его Пауль.

– Извините, – парень заговорил на довольно сносном испанском языке.

– Подскажите, пожалуйста, не здесь ли живет доктор Жуан Муэлью?

Шрабер ответил:

– Дальше по улице, четвертый дом справа.

Он попытался захлопнуть калитку, но молодой человек навязчиво продолжил:

– Говорят, он очень хороший терапевт? Я приезжий и никого здесь не знаю, но мне в отеле рекомендовали доктора Муэлью как специалиста по простудным заболеваниям и акклиматизации.

Парень фальшиво покашлял. Шрабер с резкостью в голосе ответил:

– Возможно, это так и есть. Но я с ним незнаком и ни разу к нему не обращался. Извините, мне некогда с вами разговаривать.

Он захлопнул калитку перед носом надоедливой прохожего и, ругаясь про себя, пошел в дом. Пауль подумал о том, что таких докторов, как этот Муэлью, необходимо отправлять к чертям подальше или использовать в моргах для от-

мывания поверхностей столов от формалина. Больше они ни на что не годятся. Зато деньги получать с больных умеют. Причем, непонятно за что! В Парагвае по фермам шлялся один знахарь-индеец из племени гуарани. Так он занимался не только животными. Индеец вылечил столько людей, сколько этому чертовому Муэлью и присниться не могло. Но это не главное... Паулю очень сильно не понравился надоедливый прохожий. «Сразу видно – еврей!» – подумал он. – «Наглый, самоуверенный, коварный еврей. Еврей-проходи-мец».

Шрабер зашел в дом, закрыл дверь на ключ, уселся в кресло и посмотрел на пробирку. Спокойствия в мыслях не было. После разговора с прохожим на сердце стало почему-то тревожно, и тревога никуда не уходила. Паулю вдруг вспомнился Эйхман. Тот ничего не боялся и чувствовал себя в Буэнос-Айресе, как дома. После смены фамилии посмел второй раз жениться на своей прежней жене. Нагло жил со всей семьей в Аргентине и плевать хотел на решения Нюрнбергского трибунала. До поры до времени. И где он сейчас? Рассеян прахом над морем. А все – эти чертовы евреи! Выследили, схватили среди бела дня, вывезли, судили и повесили...

Пауль нервно побарабанил пальцами правой руки по столу. Ему захотелось вдруг сесть за руль своего Фольксвагена и уехать в Парагвай. Он рассмеялся и решил, что в Парагвай уехать никогда не поздно. Подумаешь, еврей дорогу спросил. Может, этот еврей – просто еврей, и ему действительно ну-

жен был чертов доктор...

От этой мысли настроение Шрабера улучшилось и он, наконец, решился. Действие не заняло больше одной минуты, благо нужную вену искать не пришлось. На старческих руках их было в достатке. Вены вырисовывались под кожей в любом месте, и создавалось впечатление, что они сами просились под иглу. Пауль профессионально и безболезненно ввел в одну из них препарат, прижег ранку ватой со спиртом и, удобно расположившись в кресле, принялся терпеливо ждать последствий, прислушиваясь к ощущениям.

Ничего не происходило. Шрабер подумал о мышах. Всех подопытных грызунов он убил неделю назад. Кого инъекцией, кого ножом. Никто из них, естественно, не ожил. Воскрешение – фантастика, ничего общего с медициной не имеющая. Но, если хорошенько подумать, то эликсир бессмертия – фантастика не меньшая!

В кабинете стало как-то слишком резко темнеть. Бледный сумрачный свет залил комнату, и в углах начали двигаться диковинные тени. В голове Шрабера появились картины, выхватываемые мозгом из глубин памяти. Воспоминания были отрывочными и бессвязными, но некоторые из них превращались вдруг в яркие представления, сходные с кинофильмом, прокручиваемым сумасшедшим киномехаником непонятной аудитории. Самые яркие воспоминания...

Вереница медленно бредущих женщин. В руках у них баулы и чемоданы, за которые держатся дети, одетые в кургузые

пальтишки, с головами, обмотанными платками. Вереница движается медленно и постепенно уходит куда-то вниз. Женщины и дети поднимают головы и пытаются заглянуть в глаза тому, кто смотрит на них сверху. Во взглядах женщин читается дикая, животная, немая мольба. В испуганных глазах детей – непонимание. Просто непонимание... В поле зрения появляется черный блестящий рукав, из которого торчит белая перчатка. Рука в перчатке сжата в кулак, и только указательный палец выдается вперед и тычет сверху в направлении проходящих мимо. Вереница, повинувшись всесильному пальцу, разделяется на две. Налево уходят дети. Не все. Матери без детей идут прямо, роняя баулы и не подбирая их. Головы их склонены вниз. Они не плачут, потому что слез уже не осталось. И сил тоже. И везде на заднем плане маячат высокие люди в черных плащах с автоматами. Лица их не выражают ничего, кроме скуки и равнодушия; и холодное, тяжелое, низкое небо нависает над ними...

Большой железный стол. На нем лежит тощая обнаженная женщина. Рядом с ней младенец. Над женщиной возникает холеная рука. В руке зажат шприц. В нем – жидкость. Откуда-то издалека приходит название жидкости – фенол. Рука опускается, игла впивается в грудь женщины, большой палец давит на поршень. Через несколько секунд та же игла проникает в тело ребенка...

Шрабер встряхнулся и отогнал видения прочь. Ему подумалось, что кокаин добавлен в раствор зря. Он оглядел ка-

бинет. Со стороны сада какая-то большая тень закрыла окно. Пауль повернул голову вправо. Второе окно также перестало пропускать скудный вечерний свет. Шрабер спокойно протянул вперед руку, нащупал кнопку включения настольной лампы и нажал на нее. Вспыхнул тонкий электрический луч и стол осветился. Остальная часть комнаты погрузилась в густой и вязкий мрак. В голове начало шуметь. Шум усиливался и спустя некоторое время Пауль стал различать какие-то странные голоса. Эти голоса, не переставая, бубнили где-то в глубине мозга о чем-то непонятном и далеком. Шрабер напрягся. Голоса стали слышны лучше. Один из них был грубым, лязгающим и по-хамски развязным. Металлический тембр этого голоса ассоциировался с хрустом подкованного солдатского сапога, дробящего в шаге дорожный гравий. Он был очень неприятен и, звонко сверля мозг, заставлял тело покрываться мурашками. Другой голос казался безликим и нудным, но слова произносил достаточно громко, периодически заглушая грубый. Слышались еще какие-то голоса, но как бы издалека и поэтому смысл их высказываний был неясен. Пауль прислушался к первым двум, и в мозг его полилась несуразная, не поддающаяся никакому анализу ахинея. Голоса вещали:

– ... рожден человеком, частичкой Творца... мерзавец, захотел вечной жизни?... свобода воли, данная тебе, как любому другому, использована тобой для гнусности... возомнил себя всемогущим? От возмездия не уйдешь, червь

грязный... решил сам стать Творцом и улучшить неулучшаемое... и даже не оттянешь то, что положено... принес таким, как ты, неисчислимы страдания и заслужил проклятие миллионов живых и мертвых... а ведь все готово было для твоей торжественной встречи. Кого захотел обмануть? Умишком своим полез куда?.. взял ношу непосильную, человеку несвойственную, отвернулся от Создателя своего, обхаял все... получишь теперь сполна там, где будешь находиться, козел безрогий... хотел жить вечно, и будешь жить вечно, испытывая страдания и искупляя тем самым грехи свои ужасные... будешь молить о смерти, будешь подыхать, как собака, но будешь жить и снова молить о смерти... мольбы твои останутся без ответа, как мольбы просивших тебя... и нигде не спрячешься, нигде не скроешься... и гордыня твоя будет поругана... выть, как шакал будешь... и не будет тебе покоя... я за тобой пригляжу, сволочь! До скорых встреч...

Шум нарастал все больше и больше. Голоса начали сливаться в общий гул. Речь их стала бессвязна и лишилась всякого смысла. Шрабер перестал напрягаться, и его тут же потянуло в сон. Он еще больше расслабился и, не обратив внимания на последнюю прорвавшуюся фразу, откинул назад голову и заснул.

А последняя, прозвучавшая в его голове фраза, была очень странной. Какой-то неожиданно вклинившийся козлиный тенор проверещал:

– Это тут, что ли, бессмертие даром раздают? Па-прашу

мне парочку! По-льготному, так сказать, как жертве репрессий...

Глава вторая

Пауль проснулся около восьми часов утра. Мягкий свет вставшего солнца заливал кабинет. Теплый ветерок ненавязчиво шевелил шторы. Из садика доносились: запах цветов и вопли какого-то пернатого существа, которое полоумно орало о чем-то своем, по всей видимости, важном для него и необходимом. Мозг Шрабера пришел к выводу, что пробуждением он обязан именно этому естественному природному представителю фауны.

Пауль поморщился, открыл глаза и осмотрелся.

Все было на месте: кресло, в котором он уснул, большой дубовый стол с лежавшими на поверхности пустыми пробиркой и шприцем; флакон со спиртом и настольная лампа, испускавшая бледный и слабый электрический луч. Шрабер выключил лампу и прислушался к ощущениям. Спустя несколько минут он пришел к выводу, что чувствует себя прекрасно. Только голова была немного тяжелой, и в ней что-то шумело. Он осторожно встал с кресла и прошел в ванную комнату. Проделав все обычные утренние процедуры, Пауль с удовольствием констатировал, что шум в голове исчез, и самочувствие стало просто чудесным. Даже геморрой, почему-то, сегодня не потревожил. Вот только во время чистки зубов вылетела пломба. Но это – несущественная мелочь. Ведь в преклонном возрасте постоянно что-то выле-

тает или ломается...

Шрабер надел длинный халат, вышел во двор и достал из ящика, висевшего на калитке, утреннюю почту. В ящике оказались два письма и очередной выпуск медицинского журнала, который выписывался им и приходил раз в месяц. Зайдя в дом, Пауль надел очки и взглянул на лицевую сторону одного из конвертов. Буквы, почему-то, расплылись в глазах. Шрабер снял очки, протер их полый халата и опять водрузил на нос. Странное дело, но буквы не читались! Возбуждающе-интересная мысль пришла в его голову. Он снял очки и невооруженными глазами взглянул на конверт. Надписи читались превосходно!

Пауль положил очки на стол и тихо рассмеялся. Ай да эликсир! Он рывком сбросил с себя халат и подошел к большому зеркалу, висевшему на стене в коридоре. Из зеркала на него взглянуло лицо пожилого, но далеко не старого человека. Коротко подстриженные седые волосы, разделенные ровным правильным пробором, прекрасно гармонировали с высоким лбом, на котором было всего несколько морщин. И на лбу и вокруг голубых холодных глаз морщины эти выглядели не глубокими, а, как бы – свежеприобретенными. Пауль обнаружил, что тело его странно помолодело, ибо еще вчера при взгляде в зеркало, он находил себя схожим с седой и старой обезьяной. Глубокий порез на пальце, сделанный нечаянно скальпелем несколько дней назад, полностью зажил, не оставив даже следа. Шрам же от фронтального ране-

ния стал виден значительно меньше. Шрабер засунул в рот палец и ощупал десны. Они существенно опухли, и один из протезов шатался. Он удовлетворенно рассмеялся, надел халат и занялся почтой.

В первом письме речь шла о делах принадлежавшей ему фармацевтической фирмы. Она находилась в Аргентине и производила лекарства, пользовавшиеся постоянным спросом. Так, всякую обиходную мелочь. Управляющий фирмой (кстати, родной брат) сообщал, что за январь дела компании не улучшились, но зато и не ухудшились.

Далее он давал информацию о налогах, выплаченной заработной плате (не забыв, естественно, себя) и перечисленной на счет Шрабера прибыли. Доход был так себе, но он позволял жить безбедно в Бразилии и даже тратить часть денег на опыты. А что еще, спрашивается, нужно старому ученому? Признание? Пауль так не считал. Он убрал прочитанное письмо в ящик стола и приступил к следующему.

Оно было странным. На плотном, грязно-серого цвета, конверте значились его адрес и фамилия. Данные отправителя оказались размыты водой. Шрабер надорвал конверт, вынул из него лист бумаги и обнаружил, что тот совершенно чист. Повторное изучение конверта не дало ничего. На печати получателя значилось почтовое отделение города Бертиоги. Оттиск печати города-отправителя, как и обратный адрес отсылавшего, были нечитаемы. Пауль уселся в кресло и задумался.

Чья-то глупая шутка? Невероятно. Никаких друзей здесь у него не было. А прошлые друзья понятия не имели, где он живет. Первая жена и сын находились в Европе, неплохо себя там чувствовали, и плевать им было на Шрабера. Вторая жена умерла несколько лет назад. Общих детей у них не было. Поразмыслив, он решил, что имеет место обычное почтовое недоразумение. Или, может, брат ошибся, вложив в конверт чистый листок. Потом послал еще одно письмо с ежемесячным отчетом... Да и стоило ли переживать по такому пустяковому поводу?

Шрабер вдруг понял, что самая главная вещь, которая его волнует сейчас, это еда! Оказалось, что он жутко проголодался. Пауль сбросил с себя халат, надел плавки, шорты, футболку и, обувшись, вышел из дома, зажав под мышкой медицинский журнал. По пути на пляж он решил плотно позавтракать. Зайдя в одно из полупустых итальянских кафе, Шрабер уселся за самый отдаленный столик. В последние годы он был очень осторожен с едой и выпивкой, потому что старческие изношенные внутренние органы постоянно давали о себе знать после каждого приема пищи, отравляя жизнь всяческими колитами, изжогами и другими неприятными болезненными проявлениями. Но сегодня ему казалось, что можно рискнуть и поесть от души. Поэтому он заказал несколько различных блюд, с аппетитом их съел и прислушался к ощущениям. Желудок выражал полную удовлетворенность и тихонько урчал, перерабатывая вкусную пи-

щу и поставляя хорошую дозу удовольствия своему хозяину. Пауль, довольно улыбаясь, подозвал официанта, заказал чашку кофе и, в ожидании напитка, принялся лениво листать журнал.

Он настолько ушел в себя, что не сразу заметил появившегося у его столика нового посетителя. Им оказался настойчивый вчерашний молодой человек, разыскивавший доктора Муэлью. Хотя в зале было полно незанятых столиков, он нахально отодвинул стул напротив Шрабера и без спроса уселся на него. Пауль оторвал голову от журнала и непонимающе уставился на неожиданного соседа. Молодой человек тут же затарахтел по-испански:

– О, извините, извините, и еще раз извините! Не прогоняйте меня, пожалуйста. Я понимаю, что вчера оторвал вас от, возможно, важных дел, но мне ничего не оставалось делать, ибо я чувствовал себя плохо, и мне срочно нужен был доктор! Я приехал сюда издалека, никого не знаю, и мне не к кому было обратиться...

Лицо его кипело отчаяньем. Шрабер, ничем не выражая своего отношения к беспардонности молодого нахала, вежливо произнес:

– Вам не за что извиняться.

Подошел официант и поставил на стол две чашки кофе. Одну перед Паулем, другую – перед его собеседником.

– О, не удивляйтесь, – продолжил тараторить молодой че-

ловек. – Это я заказал себе кофе и попросил принести его к вашему столику.

Он сказал несколько слов официанту по-итальянски и тот, кивнув головой, удалился. Шрабер понял, что отвязаться от настырного пристава было быстро не получится, и, смирившись с этим фактом, заметил:

– Вы, я вижу, полиглот?

– Нет, нет, что вы! Так, знаю ходовые фразы на нескольких языках... Меня зовут Макс Ковальски. Я журналист из Соединенных Штатов. Работаю в газете «Бостон-Трибьюн».

Он выжидательно посмотрел на Пауля, и тому пришлось представиться:

– Пауль Шрабер. Местный житель.

– Очень приятно, – улыбнулся Макс. – Простите меня за нескромный вопрос, но, судя по фамилии, вы, наверное, – немец?

– Да, – ответил Шрабер и подумал: «А ты, судя по фамилии и внешности – польский еврей».

Пауль вдруг заметил, что сегодня молодой прилипчивый человек, почему-то, не вызывает у него раздражения. Более того, Шраберу даже захотелось продолжить разговор с ним. Видимо, это обильный и вкусный завтрак расположил его к беседе. Он откинулся на спинку стула, взял в руки чашку с кофе и спросил:

– Вы не любите немцев?

– Что вы! Я нацистов не люблю. А немцы как раз спасли

жизнь моему отцу.

Шрабер удивленно задрал вверх брови и отхлебнул из чашки. Кофе оказался неплохим. Ковальски принялся рассказывать:

– Видите ли, я происхожу из еврейской семьи. Мои дедушка и бабушка жили на севере Польши. Когда эту страну захватили нацисты, они согнали все еврейские семьи. Одних сразу отправили в концентрационные лагеря, других – в различные гетто, что, в принципе, одно и то же. Моему отцу тогда было всего шесть лет. Дедушке (отцу отца) удалось выбросить его из грузовика, когда их везли. Ребенок добежал до ближайшей фермы и спрятался в коровнике. Хозяева – пожилая немецкая пара – обнаружили его на третий день. Так он у них и остался. Они прятали его в коровнике больше пяти лет, постоянно трясясь от страха, потому что за укрытельство евреев можно было самому лишиться жизни. Но они не выдали и спасли его. А папины родители попали в лагерь «Рахен» и были там убиты, как многие другие евреи, цыгане и русские. Кстати, когда пришли русские, они определили отца в детский дом в Гданьске, а немецких фермеров куда-то увезли, и никто не знает, что с ними было дальше. Хочется верить, что эти добрые люди жили долго и счастливо...

Глаза Ковальски подернулись влагой и он, замолчав, отхлебнул кофе. Шрабер сочувственно кашлянул и спросил:

– А как же вам удалось оказаться в Америке.

– Там жил брат бабушки. После войны он начал разыскивать свою сестру. В сорок седьмом году он нашел только моего отца. Он усыновил его и вывез в Штаты. Тогда еще можно было это сделать, не то, что сейчас... А вы, господин Шрабер, родились в Бразилии?

– Нет.

Чтобы не отвечать на массу глупых и ненужных вопросов, Пауль рассказал:

– Я родился и жил в Германии. Здоровье с детства было плохим, и меня не призвали в армию, поэтому работал простым электриком на одном из заводов Круппа. Но в сорок четвертом, в связи с положением на фронтах, забрали даже таких, как я. Пришлось воевать в рядах Вермахта. А куда было деваться? Те, кто не хотел защищать фатерлянд – жили недолго. Лагеря существовали не только для евреев. Немцев тоже немало погибло в них...

– Так вы сюда сбежали?

– Нет, молодой человек. В 1945 году я попал в плен к англичанам. Почти год пробыл в их лагере. Меня, как и массу других простых подневольных солдат, выпустили на свободу и не признали нацистским преступником. Фирма, которой владел мой отец, существовала только на бумаге, потому что она погибла вместе с родителями при бомбардировке Дрездена, когда большой город был уничтожен полностью за одну ночь. В разоренной Германии делать было нечего. Поэтому я эмигрировал в Южную Америку.

Ковальски понимающе покивал головой, залез рукой в брючный карман, вытащил из него небольшую картонную коробочку и, показав ее Паулю, поинтересовался:

– Вы, наверное, имеете отношение к фармацевтической компании «Шрабер-Медико»?

Шрабер вздрогнул и ответил:

– Я являюсь ее владельцем.

– Эти таблетки от кашля мне вчера дал доктор Муэлью, – сообщил журналист.

Пауль знал, что его фирма не поставляет свою продукцию в Бразилию. Настроение его стало резко ухудшаться.

– Вы, наверное, сами врач? – спросил Макс с интересом.

– Нет, – ответил Шрабер. – Это наследственное название. Фирма принадлежала моему отцу... Кстати, позвольте спросить, а что делаете здесь вы?

– О, – пряча пачку с таблетками в карман, со значением в голосе сказал Ковальски. – Я по заданию газеты направлен сюда с целью сделать репортаж. Вы когда-нибудь слышали о таком городке – Кандидо?

– Нет, – невозмутимо ответил Шрабер, и глаза его странно блеснули. – И чем же он знаменит.

– Представляете, говорят, что городок этот основан немецкими иммигрантами. Возможно, даже нацистскими преступниками!

– Правда? – удивился Пауль и отпил глоток уже остывшего кофе. – Никогда о таком не слышал. Хотя, Бразилия боль-

шая. Все может быть... И вы ищете таких преступников?

– Нет, этим занимается Интерпол. Здесь дело совсем в другом. Люди, посещавшие этот городок, рассказывают, что каждая пятая роженица там производит на свет близнецов. И все близнецы рождаются светловолосыми и голубоглазыми.

– Неужели? Прямо какой-то природный феномен.

– Как бы ни так! – Ковальски подпрыгнул на стуле от возбуждения. – Побывавшие там рассказывают, что в начале шестидесятых годов этот город еженедельно навещал некий таинственный немецкий доктор, который и занимался беременными женщинами...

– Пойдите, пойдите, – Пауль раздраженно фыркнул. – Я не сильно сведущ в этих вопросах, но даже мне понятно, что никакой доктор не сможет по своему хотению или умению сделать близнецов, да еще именно со светлыми волосами и голубыми глазами.

Макс рассмеялся. Его темно-карие глаза наполнились яркими искорками:

– Вы так думаете? Вы ошибаетесь.

– Почему?

Ковальски стал абсолютно серьезен. Он наклонился вперед и тихо сказал:

– Люди, видевшие этого доктора, впоследствии смогли опознать его по фотографиям. Это – Йозеф Шенгеле! Слышали про такого?

– Кто ж о нем не слышал? – Пауль усмехнулся. – Он был

врачом в одном из концентрационных лагерей.

– Правильно. В лагере «Рахен», который находился на границе Германии и Польши. В нем было уничтожено около четырех миллионов человек. Шенгеле проводил опыты на живых людях. Причем – без анестезии. Основные направления его деятельности – генетика и евгеника. Он отбирал детей-близнецов и творил с ними все, что хотел. По официальным данным, из трех тысяч взятых для бесчеловечных опытов близнецов, в живых чудом осталось не более трехсот...

Шрабер поморщился и перебил:

– Так вы хотите сказать, что он научился штамповать близнецов, как рекламные плакаты, и использовал это умение в городе Кандидо?

Ковальски убежденно ответил:

– А почему нет? После войны Шенгеле исчез. Бумаг его не нашли.

– Послушайте, молодой человек... Даже самому Шенгеле не под силу сделать то, о чем вы говорите. Будь он хоть трижды гений!

– И тем не менее... – Не сдавался журналист.

– Вы собираетесь ехать туда?

– Да. Завтра же. Может, женщины прольют свет на эту тайну?

Шрабер подозвал официанта, расплатился за завтрак и свой кофе, после чего сказал:

– Вернетесь обратно, зайдите ко мне. Расскажите, что

узнали. Я во все это, конечно, не верю, но все равно желаю вам удачи.

– Спасибо. Зайду непременно. До скорого свидания, – попрощался Макс.

Шрабер молча кивнул головой, встал, аккуратно задвинул стул и вышел из кафе. Он, не спеша, направился по тротуару в сторону океана.

После беседы с журналистом настроение стало мерзким. Где, спрашивается, этот чертов Муэлью взял таблетки от кашля? Может, был в Аргентине и купил их там? Зачем? Таких грошовых таблеток и в Бразилии достаточно. Или брат обманывает? В обход официальной бухгалтерии поставляет лекарства в соседнюю страну и водит владельца за нос? Вряд ли. За ним такое никогда не замечалось. Он же немец, а не какой-то там предприимчивый иудей. Да еще и родной брат впридачу. Странный, однако, журналист. Везде ему нацисты мерещатся. Одним словом – еврей...

Нехорошие, нервные мысли терзали Шрабера. Да еще верхняя челюсть разнылась. Пауль пошевелил языком, поднес руку ко рту, и выплюнул на ладонь вывалившийся зубной протез. Он остановился, внимательно осмотрел его и, бережливо сунув в карман, пошел дальше, размышляя на ходу. Жить в Бразилии достаточно комфортно. Но более десяти лет – это много. Пора уезжать. Сегодня же...

Ноги привычно вынесли Пауля на пляж. Людей было мало. Дул слабый ветерок от берега. Шрабер разделся, медлен-

но вошел в спокойную воду и, так же неторопясь, поплыл. Оказавшись на довольно значительном от пляжа расстоянии, он лег на спину, расслабился, и вспомнил о вчерашних голосах, несших какую-то непонятную чушь. Обдумав это воспоминание, Шрабер пришел к выводу, что голоса являлись просто элементами слуховой галлюцинации. И хотя добавленный в раствор кокаин далеко не ЛСД в этом плане, галлюцинации следует отнести к разряду неизвестных факторов, возникающих при смешивании его с эликсиром. Пауль улыбнулся мысли о том, что состав сыворотки и процесс приготовления известны только ему. Все записи, которые касались этого, он уничтожил и правильно сделал...

Уши, находившиеся в воде, стали улавливать какой-то шум. Звуки приближались. Шрабер перевернулся на живот и осмотрелся. От берега в его направлении быстро плыли три человека. Они находились уже метрах в тридцати. Двое из них – молодые люди с атлетически развитыми плечами. Третий, плывущий впереди остальных, оказался знакомым. Это был Макс Ковальски. Хищные, горбатые носы всей троицы шумно рассекали воду и были похожи на форштевни боевых дредноутов. У Пауля замерло сердце. Они плыли с решительным и грозным видом. Так корабли английской эскадры подходили к одинокому, практически обездвиженному немецкому линкору «Бисмарк», горя мщением и зная заранее о предстоящей, наконец-то, победе. Моряки «Бисмарка» прекрасно представляли, что они уже обречены, но приня-

ли последний бой и доставили врагам массу неприятностей. Шрабер не мог поступить так же. Попытаться уплыть было нереально. Старость не сравнится с молодостью ни в скорости, ни в выносливости. И оружия для последнего боя у Пауля не было. Ни крупнокалиберных, как у «Бисмарка», орудий, ни – даже самого завалящего кухонного ножа. В голове возник хоровод отрывочных мыслей: «Надо было уехать с утра... а может, пронесет?... зря коньяка не попробовал сегодня... у-у, еврейские морды!.. вот тебе и бессмертие... выживу – напьюсь, как свинья...»

Троица настигла Шрабера. Ковальски остановился прямо перед ним и принялся отплевываться и сморкаться. Двое других быстро и профессионально заняли место позади Пауля и затихли. Ковальски, отдышавшись, взглянул Шраберу в глаза и заговорил на хорошем немецком языке:

– Ну что, палач, пожил вволю? Мы знаем, кто ты такой и ты об этом догадался. Не удалось нашим людям тебя наказать тогда, в пятьдесят восьмом году, в Буэнос-Айресе. При встрече скажешь спасибо своему мертвому дружку Эйхману. Сил хватило только на одного. Тебя обнаружили нечаянно. Решено было поймать одного зайца, а за тобой вернуться позже. Но ты потрясающе ловко сбежал. Возмездие немного затянулось...

Шрабер шевелил руками, держась на плаву, и молчал. Говорить было нечего. Макс, сжав побелевшие от ненависти губы, продолжил, цедя слова:

– Согласно ордеру, выданному Интерполом, тебя разрешается убить при задержании. Но мы не будем тебя убивать. И доставлять в Израиль не будем. Показательного процесса над Эйхманом хватило. Поэтому мы тебя утопим. Ты – не человек. И рядом с людьми тебе делать нечего. Что-нибудь желаешь сказать напоследок?

Шрабер молчал. В глазах его застыло какое-то непонятное и тупое удивление. Ковальски долго ждать не стал:

– Ну, раз у тебя нет слов, то отправляйся к любимому фюреру. Там ты встретишь многих своих друзей-нелюдей, и вы проведете съезд истинных арийцев. Прощай!

Один из атлетов, находившихся сзади, резко нырнул и, сильными кистями рук сжав лодыжки Шрабера, дернул того под воду. Второй навалился сверху. Ковальски также использовал свое тренированное тело для помощи товарищам. Через минуту все было закончено. Все трое вынырнули на поверхность. Ковальски для верности еще пять минут держал рукой голову Шрабера под водой, не давая ему всплыть. Потом троица бросила труп на произвол воды и поплыла к берегу.

Люди, находившиеся на пляже, ничего подозрительного не заметили. Группа молодых парней резвилась в воде в двухстах метрах от берега и, устав, приплыла обратно. А сколько их было – никто не считал.

Глава третья

Возвращение в сознание было ужасным. Пауль Шрабер открыл глаза – и ничего не увидел. Он попытался определить время суток и, – не определил. Тело свое он ощущал только фрагментами. Дико болели голова и ноги. Грудь разрывало так, как будто ее терзали раскаленные клещи. Шрабер инстинктивно подтянул колени к животу, абсолютно не чувствуя их, встал в позу вареной креветки, приподнял голову, и принялся фонтаном извергать из глотки воду и остатки некогда такого вкусного завтрака. Его рвало долго и мучительно. Спазмы били его, как разряды электричества. И когда ему стало казаться, что он вот-вот захлебнется в потоке своих извержений, все неожиданно закончилось. Пауль рухнул на землю и отключился...

Спустя некоторое время к нему начали возвращаться чувства. Он неожиданно осознал, что глаза у него забиты песком и доносящийся сзади шум означает плеск волн. Шрабер начал медленно сползать назад. Наконец, ноги его коснулись небольшой набежавшей волны. Он неуклюже перевернулся, сел и опустил ладони вниз. Как только они наполнились водой, Пауль принялся промывать глаза. Через две минуты он смог осмотреться.

Над Шрабером сверкало звездами ночное небо. Полная луна хорошо освещала пустынный мыс, на краю которого он

сидел. Недалеко, не более километра влево, сверкал огнями город. Осторожно встав на ноги, Пауль сделал несколько пробных шагов. Это получилось с трудом. Тело слушалось неважно. Шрабер решил постоять на месте. Он высморкался и стал различать запахи. Точнее – один из них. Вокруг него гадостно воняло дерьмом. Других запахов не было. Скривившись, он провел рукой по плавкам сзади и, вляпавшись пальцами во что-то вязкое и липкое, догадался, что очищение организма происходило далеко не с одной стороны. Чертыхнувшись, Пауль стянул с себя плавки, швырнул их на песок, залез в воду по пояс и помылся. Выйдя на берег, он старательно обошел зловонную тряпку и направился в сторону дороги, где изредка мелькали огни фар проезжавших автомобилей.

Вдоль дороги тянулась узкая лесополоса. Шрабер, сверкая в ярком свете луны голым задом, шел по обочине, благоразумно ныряя к деревьям, когда мимо проносилась очередная машина. Хорошо, что их было мало. Пауль шел быстро. Его мучил вопрос, почему он жив? Он искал на этот вопрос разумный ответ. Если он был утоплен утром, а волны вынесли его вечером, то выжить было невозможно. Хотя, может, он оказался на берегу давно и лежал там до ночи, находясь в бессознательном состоянии? Но даже в бессознательном состоянии организм должен чем-то дышать. А если легкие залиты водой? Каким местом тогда получать кислород?

Пауль отогнал от себя дурацкие мысли и сосредоточился

на дороге. Войдя в город, он стал пробираться к своему дому самыми тихими и безлюдными улицами. Пару раз даже пришлось прятаться за деревья и прыгать через низенькие заборчики, чтобы разминуться со случайными прохожими. Но все-таки ему удалось пройти никем не замеченному.

Свет в доме не горел. Все окна были распахнуты настежь, и ветер слегка шевелил занавески. Стараясь не шуметь, Шрабер забрался в одно из окон, так как ключ от двери остался в шортах на пляже, и где сейчас они находятся, было неизвестно. Опустив с подоконника ноги вниз, он сделал шаг вперед и, споткнувшись обо что-то, с жутким грохотом рухнул на пол. Пауль зажмурился и прислушался. В доме было тихо. Он встал на четвереньки и осторожно начал пробираться к столу. Уткнувшись в него лбом, Шрабер задрал вверх руку, судорожно пошарил по поверхности и, нащупав кнопку, включил настольную лампу. Тонкий знакомый луч осветил часть комнаты. В помещении царил разгром. Тумбочки были перевернуты, ящики валялись на полу, шкаф улыбался распахнутыми дверцами, и находившаяся в нем ранее одежда беспорядочными кучами лежала повсюду. Кое-где обои были отодраны от стен. Искали тщательно... Интересно, что? Бумаги? Записи? Документы? Шрабер злорадно усмехнулся, подумав о том, что искать надо было не здесь, а туда, где можно найти, кое у кого руки не дотянутся. Потому что коротки больно...

Он зашел в ванную комнату и включил там свет. Умываль-

ник был разбит, ванна с унитазом перевернуты, а стены облуплены. Видимо, их простукивали в надежде отыскать тайник. Пауль включил душ и тщательно, с мылом, вымылся. Вода лилась на пол, но ему было все равно. Он не собирался здесь задерживаться. Закрутив краны, Шрабер вернулся в большую комнату, оставив дверь открытой. Подобрал с пола первую попавшуюся тряпку, оказавшуюся халатом, он вытерся, схватил ком вываленной из шкафа одежды и перенес его поближе к свету, льющемуся из ванной. Все необходимое нашлось быстро. Одевшись, Пауль решил наплевать на то, что вещи были мятыми. На приведение их в полный порядок не было времени. Нашупав ногами в прихожей летние туфли, он обулся, снял с крючка почему-то нетронутые ключи от машины и, отщелкнув застежку замка, тихо вышел в сад.

Полная луна светила хорошо. Шрабер подкрался к маленькому сарайчику, где хранился садовый инвентарь. Он взял там лопату и прошел к цветнику. Выкопав куст пионов, он углубил яму, и спустя несколько минут уже держал в руках небольшую цинковую коробку. Открыв ее, он достал оттуда парагвайский паспорт на имя Педро Гонсалеса и несколько пачек денежных купюр. Рассовав все это по карманам, Пауль вышел на улицу и направился к пыльному «Фольксвагену».

Одна из дверей автомобиля была немного приоткрыта. Заглянув в салон, Шрабер обнаружил там такие же, как и в доме, следы варварского обыска. Быстро прибрав разбросан-

ные документы и вещи, он уселся в зачем-то разрезанное ножом сидение, завел двигатель, и выехал на проезжую часть.

Машине было уже восемь лет. Пауль пользовался ей редко, и поэтому состояние Фольксвагена было довольно приличным, если не считать толстого слоя пыли, покрывавшего не только кузов снаружи, но и каждую деталь отделки салона внутри. Шрабер купил этот автомобиль тогда, когда бензин был относительно недорог, и его хватало всем. Но потом цены на нефть поднялись, и правительство приняло решение ввести в действие программу переоборудования автомобилей для потребления спирта в виде горючего, благо тростниковый сахар стоил дешево. Пауль плевать хотел на программы правительства, а потому до сих пор заправлялся безумно дорогим бензином, так как садился за руль не чаще одного раза в месяц, и вообще – мог себе такое позволить по финансовым соображениям. Теперь ему предстояло проехать довольно приличное расстояние до границы с Парагваем, и он был рад тому, что двигатель работает на бензине. Динамика есть динамика, если кто понимает разницу в бензине и спирте для хорошей работы двигателя. Вот только пришлось заправиться здесь, так как датчик показывал, что горючего осталось всего на сто километров.

На заправочной станции, при выезде из города, Шрабер заплатил за полный бак и, пока заливали бензин, он вспомнил Альфредо Стресснера, который по сути своей являлся реальным хозяином Парагвая (если не считать Соединенных

Штатов, оказывающих ему поддержку, в том числе и материальную). Был диктатор наполовину немцем, наполовину испанцем. Бежавшие из Германии соратники Гитлера чувствовали себя в этой стране достаточно хорошо. Нацисты жили в ней на законных основаниях и даже не меняли фамилий, что являлось необходимостью в Аргентине, где агенты израильского «Моссада» шныряли, как коты вокруг помойки. Но зато уровень жизни населения в Парагвае был существенно ниже уровня жизни в любой другой стране Южной Америки. Государство это являлось откровенно нищим. Наркотиками там не торговал только ленивый, а контрабандой не занимался разве что идиот...

Заправив машину, Шрабер поехал к выезду на дорогу. Навстречу ему медленно двигался большой белый «Форд», только что показавшийся на станции. Низко урчащий мощный мотор как бы говорил всем, что его владельцу нет никакого дела до желающих использовать спирт в роли горючего. А так же его не интересуют никакие нацисты, диктаторы и прочая политическая шелуха. В салоне громко играла музыка.

Поравнявшись с ним, Шрабер повернул голову влево и в окне встречного автомобиля с ужасом для себя увидел довольное и улыбающееся лицо Макса Ковальски. Они встретились взглядами, и журналистские глаза моментально вылезли из орбит, а застывшая на лице улыбка превратилась в непонятную кислую гримасу. В следующую секунду раз-

дался визг тормозов и Ковальски врезался носом в руль своей машины. Сердце Пауля чуть не выпрыгнуло из груди. Он резко выехал на дорогу и вдавил в пол педаль акселератора. «Фольксваген», вильнув, принялся наращивать скорость.

Ковальски, проклиная себя за то, что не пристегнулся ремнем безопасности, вытащил из кармана платок и приложил его к носу, из которого текла кровь. Одновременно с этим другой рукой он переключил передачу, схватился за руль и, сдав назад, развернул машину. Манипулируя все той же рукой, он включил передачу и надавил на педаль газа. Мощный мотор взревел сотнями лошадиных сил, и автомобиль журналиста пулей понесся вдогонку за Фольксвагеном. В голове у Ковальски все помутилось от ярости. Им было положено руководству об успешно выполненной операции. Его поблагодарили за хорошо сделанную работу. Он чувствовал себя счастливым от того, что очередной убийца его соплеменников наказан. Наказан им лично! Он гордился собой! Он думал, что его отец, принимавший участие в уничтожении Герберта Цукурса, также будет им гордиться... Макс, ругаясь черными словами и проклиная себя за недобросовестно сделанную работу, несся на бешеной скорости, одной рукой зажимая платком разбитый нос, другой вращая руль.

Шрабер ехал очень быстро, но пучок света сзади неотвратимо приближался. Дорога петляла среди полей. Пауль не был автогонщиком и поэтому притормаживал на поворотах, теряя так нужную сейчас скорость. Он понял, что совершил

ошибку. Надо было возвращаться в город. Не станет же еврей убивать его на освещенной улице? Но было уже поздно. Ковальски не обращал внимания на реальную опасность перевернуться на очередном повороте. Душа его пела переполнявшей ее ненавистью, которая напрочь задавила чувство самосохранения, опустила его куда-то вниз, ниже пяток, и заставила замереть. Наконец, перестала течь кровь из носа, и он поехал еще быстрее. Макс догнал Шрабера. Пользуясь мощностью мотора своего тяжелого автомобильного чудовища, журналист на одном из поворотов рывком вынес его на встречную полосу и, поравнявшись с более легким «Фольксвагеном», резко дернул руль вправо. От жесткого соприкосновения машина Пауля просто слетела с дороги и, кувыркаясь, покатила по полю, как яблоко, выпавшее из дырявой сумки.

Ковальски остановил свою машину, выпрыгнул из-за руля и понесся по траве к «Фольксвагену». Оружия у него с собой не было, но это его не смутило. Подбежав к поврежденной машине, Макс в свете полной луны увидел, что она стоит на колесах. Вид ее был ужасен. Все части кузова были смяты, а стекла разбились и высыпались. Из левого переднего окна свешивалась неестественно вывернутая окровавленная голова Шрабера. Тело оставалось внутри и не вылетело из машины только потому, что было пристегнуто ремнем безопасности. Ковальски обошел машину и заметил струйку бензина, хлеставшую из бака. Наученный горьким утренним опытом,

он решил отнестись к делу с наибольшей ответственностью. Поэтому в первую очередь его сильные руки схватили свисавшую голову Пауля и повернули ее. Раздался хруст шейных позвонков, и голова оказалась вывернута на сто восемьдесят градусов. Макс убрал руки.

Отойдя на несколько метров от машины, он достал из кармана железную бензиновую зажигалку, провернул колесо, и бросил ее горячей в лужицу топлива, образовавшуюся на земле. Огонь вспыхнул сразу. Журналист бросился бежать к дороге. Будучи уже на безопасном расстоянии, он почувствовал ударившую в спину воздушную волну. Через долю секунды долетел звук взрыва, и поле осветилось красными сполохами. Ковальски остановился и обернулся назад. На месте «Фольксвагена» бушевал фонтан пламени. Макс сложил руки рупором и крикнул в него:

– Теперь ты точно сдох! Я знаю это!

Он тяжело дышал и восторженно смотрел на полыхавший столб огня. Душа его пела...

Неожиданно вдалеке возник свет фар приближавшегося автомобиля. Ковальски, не мешкая, сел за руль «Форда», развернул его и уехал в сторону города.

* * *

Он приходил в себя огромное количество раз, и опять впадал в беспамятство от невыносимой боли, терзавшей все

квадратные сантиметры его обожженного брэнного тела. С каждой новой попыткой очнуться минуты страдания увеличивались. И все время в его мозгу звучала знакомая фраза: «Болевой шок». Это понятие, почему-то, выступало спасительным средством от боли, и помогало уйти от нее сразу. Каждый раз, не задумываясь о смысле этой фразы, он ждал ее физического проявления. И оно незамедлительно наступало, уводя в беспамятство. Но следующие пробуждения опять заставляли память истошно исторгать из себя это выражение. С каждым разом все труднее и труднее удавалось отключаться от боли и время бессознательного пароксизма забывтья сокращалось и сокращалось, пока не стало больно непрекращаемо. Мука была нестерпима. Тело жгло огнем. В голову впились тысячи иголок. И фраза перестала работать, и деваться стало некуда, и жгучий неистовый огонь заполнил всю сущность, и продолжалось это долго... Пока боль не стала сносной.

Он открыл глаза и сквозь мутную кровавую пелену увидел сверху над собой грязный плафон, сквозь стекло которого лился тусклый желтоватый свет. Луч был каким-то неживым и очень неприятным. Мозг со скрипом включился в работу. Медленно преодолевая дополнительно возникшую боль, он повернул голову влево, а затем вправо.

Муть в глазах исчезла, и взгляд уловил, что находится он в небольшом помещении с серыми каменными стенами и недвижимыми телами, располагавшимися на металлических

столах в обтекаемых неестественных позах. Память тут же катапультной выбросила на поверхность слово: «Морг». Мозг обработал...

Хозяин мозга пошевелил рукой. Движение вызвало взрыв боли, резко влившийся в общие мерзкие ощущения. Но сознание не нырнуло в нирвану, а осталось на месте. Отдышавшись, страдалец приподнял голову, и увидел свои живот и ноги. В мрачном свете плафона ему показалось, что перед глазами предстал свежий кроваво-красный окорок, обтянутый тонкой, прозрачной и нежной кожицей. Голова опустилась на железную поверхность стола, и уши начали различать звуки.

Они исходили со стороны белого четырехугольника, являвшегося, по всей видимости, световым следом соседнего кабинета, проникшим в помещение вследствие того, что кто-то оставил дверь открытой. В белом проеме мелькали тени и раздавались голоса. Разговор происходил на языке, который владелец боли не любил, но прекрасно понимал. Странно знакомый баритон напористо упрашивал:

– Пустите меня. Мне очень надо посмотреть.

Другой голос, гнусавый и спокойный, неторопливо отвечал:

– Нечего там смотреть.

Баритон не сдавался:

– Мне нужно опознать приятеля! Он попал в аварию.

Гнусавый, с интересом:

– Это где машина сгорела?

– Правильно!

– Нечего там смотреть.

– Почему?

– Потому что ничего от человека не осталось. Скелет с обгоревшими кусками мяса. Кого опознавать?

– Я своего приятеля в любом виде узнаю.

– Даже в жареном?

– Хоть во взорванном!

Два голоса дружно засмеялись. Потом гнусавый заключил:

– Хороший вы приятель, как я посмотрю.

Баритон пояснил:

– Я, вообще-то, журналист. Делаю репортаж. Пустите на минуточку.

Гнусавый сказал:

– Не пущу. Во-первых, даже такого тренированного специалиста, как я, и то мутит смотреть на это. Пока на стол укладывали, я чуть в вегетарианцы не подался... А что говорить о вас?

Баритон авторитетно заявил:

– Да я еще и не такое видел. Знаете, я из Соединенных Штатов, был как-то во Вьетнаме, так там...

Гнусавый перебил:

– Все равно не пущу. Тут дело, по всей видимости, криминальное. Поэтому на осмотр трупа надо официальное раз-

решение.

– Какое криминальное?

– Тс-с-с-с! – гнусавый затих, видимо, оглядываясь. – Возле сгоревшей машины найдена зажигалка «Зиппо». Да и на переднем левом крыле имеются следы столкновения. Короче, много странностей...

– Да? Может быть. Но ведь я прошу только взглянуть на труп!

– Вы извращенец?

– Считайте меня кем угодно, только пропустите на минутку. Я сделаю фотографии, и – все!

– Извращенцам тем более нельзя. За минуту с бедным трупом много чего сделать можно...

– Ох, и фантазия у вас! Так кто из нас извращенец?

– Вон отсюда! А то полицию вызову!

Память выдала воспоминание. Баритон принадлежал Максиму Ковальски. Мозг сообщил, что евреи в лице лжежурналиста хотят удостовериться в подлинности смерти Шрабера. Надо было действовать. Причем, срочно.

Пауль, преодолевая боль, оперся на руки и сел на столе. Кожа перестала быть прозрачной. Она стала матовой, но все равно была еще очень тонка. Пауль, морщась от боли, осторожно спустил со стола ноги и осмотрел помещение. В зале находилось шесть столов, три из которых были пусты. На остальных располагались трупы различной степени свежести. В дальнем углу Шрабер разглядел еще одну дверь.

Перед ней на кафельном полу валялась куча тряпья. Пауль встал на ноги и тихо подошел к куче. Стараясь не торопиться, ибо каждое быстрое движение причиняло боль, он выбрал засаленные парусиновые штаны неопределенного цвета, вонючую майку без рукавов и тростниковые нищенские тапки. Он оделся и понял, что сделал это вовремя, потому что Ковальски, наконец, догадался, как проникнуть в зал с трупами. Теперь дело было за малым:

– Сто, – сказал гнусавый.

– Чего, новых крузейро? – подозрительно переспросил баритон.

– Нет, долларов.

– Ничего себе, аппетит у вас... Может, машину еще подарить? Двадцать!

– Сто.

– Послушайте, я ведь только взгляну и сфотографирую.

За что такие деньги?

Гнусавый рассмеялся:

– Вы, янки, богатые... Для вас – это не деньги.

– Какой я тебе янки? Ты что, не видишь, что я – самый обычный еврей? В лицо мне внимательно взгляни.

Гнусавый хмыкнул и заявил:

– Тогда двести.

– Дать бы тебе в морду разок...

– Сейчас полицию вызову.

– Да ладно, ладно, – сорок!

Национальная предприимчивость Ковальски взяла свое. Торговля еще не прекратилась, и шанс скрыться реально маячил перед Шрабером. Пауль толкнул закрытую дверь, и она легко распахнулась. За ней был длинный узкий коридор, освещенный одной лампочкой. Шрабер прошел по нему, спокойно открыл следующую дверь, и оказался на тихой, ничем не примечательной улочке. Жаркий день был в разгаре. Редкие прохожие шли по своим делам. Мимо протрусил нищий. От него пахло луком и дерьмом одновременно. Пауль провел рукой по голове и совсем не обрадовался лысине. Он подумал, что кожа на голове может сгореть под воздействием солнца. Ему захотелось вернуться в зал с трупами и подобрать с пола замеченную ранее широкополую шляпу, но оттуда послышались крики.

Знакомый баритон орал:

– Где он?! Куда вы его дели?!

Гнусавый голос невозмутимо отвечал:

– Да тут он был. Не мог же он сам уйти... Разве скелеты ходить умеют?

Дальше диалог развивался интереснее. Баритон требовал:

– Ищи его, сволочь!

Гнусавый был так же невозмутим:

– Полиция найдет.

– Восемьдесят два доллара за что?

– За то, чтобы пройти.

– Где труп? Возвращай деньги!

– С чего это? Ты прошел? Прошел. Значит, – мы в расчете.

– Ах, так?

Раздался звук оплеухи. Что-то покатилося по кафельному полу, и в помещении загрохотало.

Шрабер шагнул на тротуар, прижал правую руку к темени, и пошел в сторону ближайшего угла. Скрывшись за ним, он не видел подъехавшей к моргу полицейской машины. Его не интересовало, чем закончится дело у Ковальски. Ему больше всего на свете хотелось есть и пить...

Глава четвертая

Конгломерат Сан-Паулу. Порт Сантос. 1984 год.

В грязном тупике между складскими портовыми сооружениями, на картоне, бывшем ранее коробкой от апельсинов, сидел нищий. Длинные седые волосы неопрятно топорщились во все стороны. Белая растрепанная борода свисала на грудь. Не обращая внимания на вонь, исходящую от стоявших невдалеке мусорных баков, он грыз старый кусок сыра.

Звали его – Педро Гонсалес. Пять лет назад он был Паулем Шрабером. А до этого – еще кем-то. И не один раз. Он вспоминал себя маленьким мальчиком, сидевшим в католическом соборе рядом с отцом, матерью и двумя братьями. Патер говорил о добром, хорошем и вечном. Он помнил себя верящим во все это... Но впоследствии вера утекла сквозь пальцы. Она ушла туда, куда ранее ушли драконы, соперничавшие с Ланселотом, и Санта-Клаус, так и не подаривший ему игрушечную железную дорогу. Отец говорил, что такая дорога стоит недешево, и у Санта-Клауса нет денег, чтобы ее купить. Но у восьмилетнего мальчика из соседнего дома она была. Его звали Исааком Шлиманом, и отец говорил, что евреи уже и Санта-Клауса взяли в откуп...

Во время изучения философии в Мюнхенском универси-

тете от веры не осталось ничего. А после окончания Франкфуртского университета место в душе, где ранее теплилась вера, тягуче затекая, заполнила расовая теория Альфреда Розенберга, впоследствии повешенного по приговору Нюрнбергского трибунала. Так бетон заливает пустую полость и остается там навсегда (если не извлечь его либо ломом, либо взрывом, что приведет к разрушению всей конструкции). А свободного места в душе больше нет. И поместить веру стало некуда, да и желания никакого не было.

Прошедшие пять лет он много думал, и случившиеся события были им взвешены и проанализированы. За это время ему пришлось пережить еще две смерти. Один раз Гонсалесу перерезали горло конкуренты-нищие и бросили умирать в выгребную яму. Второй случай произошел на железнодорожных путях, где его располосило несущимся с бешеной скоростью локомотивом. В обоих случаях смерть его не наступила. Заживление ран и сращивание частей тела происходило как-то само собой и занимало совсем немного времени. И если бы не дикие боли, сопровождавшие каждый такой процесс, Педро не ломал бы себе голову, пытаясь доискаться до причин своей неубиваемости. Но приходилось признать, что без странных, непонятных сил, способствовавших восстановлению жизненной сущности во всех этих случаях (включая предыдущие), обойтись никак не могло. Голоса, звучавшие в голове после принятия препарата, стали восприниматься по-другому. Педро признался себе, что гал-

люцинациями тогда и не пахло. И какова во всем этом роль эликсира? А существует ли она вообще, эта роль?

Ясно было одно – в руки к евреям лучше не попадать. Они показательно казнили лишь Эйхмана. Во всех последующих случаях израильтяне убивали нацистов там, где нашли. Так было в 1965 году в уругвайской столице Монтевидео, где они просто застрелили Герберта Цукурса, который в свое время хозяйничал в рижском гетто. То же случилось и со Шраббером. Если он опять попадет к ним, справедливо возникнет вопрос: в чем суть такой живучести? Гонсалес знал, что дураков в «Моссаде» нет. Его все-таки вывезут в Израиль, благо сделать это проще простого. Кого в Бразилии интересует судьба нищего, да еще и без документов?

А вот там уже Педро можно будет убивать никем и ничем неограниченное количество раз, используя для этого массу различных способов. Ибо – чего-чего, а методов убийства человечество за свою историю придумало немало.

Гонсалес доел сыр и решил, что пора менять место жительства. Можно будет все-таки попытаться еще раз пробраться в Парагвай. Теперь пешком. Идти далеко, но впереди целая вечность. Да и сколько можно прятаться в помойках? И хотя еще в шестидесятых годах Стресснер под давлением ряда государств выписал ордер на арест того, носившего первоначальную фамилию, к Гонсалесу это отношения не имело. Он знал, что ордер – фикция, и в Парагвае ему ничто не угрожает. Педро вспомнил прекрасно оборудованную ла-

бораторию в особняке одного из богатых парагвайских землевладельцев. Она была создана специально для него. У Гонсалеса зачесались руки...

Неожиданно в конце тупика появился человек. Он направился к мусорным бакам. На плече у него висел фотоаппарат с мощным объективом. Походка его показалась знакомой Гонсалесу. По мере приближения он становился все более узнаваемым. Это был Ковальски. Сердце Педро тревожно забило, и голова взорвалась паникой. Но он все-таки взял себя в руки, повернулся к журналисту спиной и принялся выстилать землю картонными листами.

Макс, мельком взглянув на спину нищего, зашел за баки, опорожнил там мочевого пузыря, и, застегивая ширинку, появился в проходе вновь. Гонсалес уже лежал на боку спиной к Ковальски и делал вид, что спит. Макс снял фотоаппарат с плеча, сделал несколько колоритных снимков помойки (не забыв щелкнуть разлегшегося на земле оборванца) и, насвистывая какую-то веселую песенку, пошел обратно. Педро, приподнявшись на локте, оторвал от картона голову и взглянул ему вслед.

Ковальски шел, постепенно замедляя шаги. Наконец, уже возле самого выхода из тупика, он остановился и обернулся. Гонсалес, замерев, приник к картону. Макс внимательно посмотрел в спину нищему, подумал о чем-то, затем пожал плечами и решительно свернул за угол.

Педро не шевелился несколько долгих, томительных ми-

нут. В голове беспорядочно метались мысли. Неужели этот сионистский агент находится здесь по его, так сказать, душу? Гонсалес задавил в себе панику и, поразмыслив, пришел к выводу, что Ковальски здесь не из-за него. Скорее всего, он занимается своей обычной работой, то есть – выискивает нацистских преступников. Но если Макса заинтересовал порт, то обнаружение Педро – дело времени. Причем, короткого. Тем более, что теперь он был уверен в том, что журналисту помогает кто-то, или что-то. Как бы там ни случилось, но действовать нужно было без промедления.

Гонсалес вскочил на ноги, пробежал до угла портового строения и осторожно выглянул из-за него. Журналист обнаружился возле восемнадцатого склада. Ковальски, беседуя с каким-то грузчиком, шел к штабелям готовых к отправке ящиков. Как только он скрылся из глаз, Педро побегал в противоположную сторону. Он знал, что с соседнего причала производится погрузка двух кораблей. Один из них направляется в Чили, и должен был доставить туда мясные консервы, упакованные в громадные деревянные ящики. Чилийский диктатор Пиночет устраивал Гонсалеса не меньше Стресснера, поэтому он решил податься именно в эту страну.

Возле нужного склада Педро нашел знакомого грузчика. Им был аргентинец неопределенных лет, обладавший грушевидной фигурой. Звали его Карлосом. Он носил мушкетерские усики и был обременен большой семьей, в которую,

кроме него, детей и жены, входило огромное количество всяких дальних и близких родственников. В этом конгломерате существовали: тесть с тещей, шурин с женой и семейством, и даже какой-то непонятный троюродный племянник самого Карлоса, являвшийся – по своей сути – отпетым бандитом.

Карлос же умудрялся без особого труда справляться со всей этой компанией. Теща у него торговала на рынке рыбой, которую тесть покупал у браконьеров. Шурин продавал велосипеды, украденные племянником, а жена шурина принимала роды в рабочем квартале, благо – у нее имелось ветеринарное образование.

– Привет, Карлос, – поздоровался, тяжело дыша, Гонсалес.

– Привет, Педро, – ответил тот. – Что-то ты плохо выглядишь. Случилось чего?

– Да. Мне срочно нужно пробраться на корабль, отплывающий в Чили.

– А на Луну тебе не надо? – Карлос начал смеяться.

Гонсалес настойчиво повторил:

– Я говорю серьезно. Мне действительно нужно в Чили.

Грузчик перестал смеяться, задрал удивленно брови, и спросил с интересом:

– Ты что, убил кого-нибудь?

Педро решил соврать:

– Да, убил. Полицейского.

– Ты что, спятил? – испугался Карлос. – Не знаю, чем тебе

ПОМОЧЬ...

– Мне нужно забраться в один из ящичков с консервами.

– У них замки опломбированы.

– Можно оторвать пару досок, а потом опять забить.

Карлос покачал головой:

– Нет, я таким делом заниматься не буду. Обвинят в воровстве и выгонят с работы. А сейчас попробуй ее найти. Кто моих детей кормить будет? Ты? Нет, нет, нет...

Гонсалес выругался на незнакомом Карлосу языке и полез рукой себе за пазуху. Он снял с шеи тканевый мешочек, развязал тесемку и вынул из него несколько влажных и мятых купюр. Пару дней назад Гонсалесу повезло наткнуться на пьяного в стельку английского матроса. Тот мирно спал в углу у одного из складов. Педро с легкостью обчистил его карманы, и теперь эти деньги совал Карлосу.

– Это что за валюта? – поинтересовался грузчик, внимательно разглядывая банкноты.

– Английские фунты, – с нетерпением ответил Гонсалес.

– А сколько здесь?

– По курсу – около двухсот долларов. Возьми, больше у меня нет.

У Карлоса довольно округлились глаза:

– А в банке их меняют?

– Конечно, но можешь поменять у Диего с двадцать четвертого склада.

– Диего – жулик! Нашел, чего советовать. Уж лучше в бан-

ке. Гонсалес опять выругался и спросил:

– Так ты согласен мне помочь?

Грузчик добродушно улыбнулся и ответил:

– Хорошо. Вот только ящик забит банками доверху. Придется часть выгрести.

Он ушел и вернулся через пять минут, толкая перед собой большую и вместительную тачку, в которой громыхали монтировочный ломик и молоток.

– Вот, – сказал аргентинец. – Придется пойти на воровство. Не выбрасывать же консервы. Но чего только не сделаешь ради приятеля... Ступай за мной.

Карлос пошел к причалу, у которого в ожидании погрузки на платформах высились пирамиды ящиков. Педро двигался следом за ним.

Завернув в какой-то темный угол, они остановились между двух внушительных штабелей, и грузчик спросил:

– Тебя в какой ящик лучше засунуть? С говядиной или свиной?

– Какая разница? – удивился Гонсалес.

– А такая. Сколько сухогруз будет болтаться по морю? Неизвестно. Может быть, еще в какой-нибудь порт зайдет. Есть ты что будешь? Многие свинину не любят...

– А-а-а, ну, тогда лучше говядина.

– Правильно. В говядине и желе побольше. Не так сильно пить будет хотеться.

Карлос повернулся лицом к ящикам, стоящим один на

другом, и стал смотреть на маркировочные этикетки. Наконец, он выбрал нужный, влез наверх пирамиды, оторвал монтировкой две доски и сказал Педро, наблюдавшему за ним:

– Лови банки и складывай в тачку.

Гонсалес кивнул головой. Карлос, проворно работая руками, принялся бросать вниз килограммовые железные консервы, разукрашенные яркими наклейками. Педро еле успевал их ловить. Спустя пять минут работа была закончена, и грузчик поманил нищего пальцем. Тот вскарабкался вверх и осмотрел приготовленное для него место. Ящик был довольно большим. В ширину и длину – два метра, и в высоту – метра полтора. Гонсалес улегся в нишу, свободную от банок, и спросил:

– Карлос, а ты уверен, что этот ящик попадет именно на чилийское судно?

– Конечно, – ответил тот. – Сегодня с утра начали грузить именно эту партию. Вон, кран уже хватает соседнюю платформу.

– А куда направляется второе судно, стоящее под загрузкой?

– А к какому-то бесу на чертовы кулички... Точно не помню, но куда-то туда.

– Ладно, заколачивай, только щелочки оставь, чтоб дышать легче было.

– Хорошо. А, кстати, ты банки чем открывать будешь? Детородным органом? Ха-ха-ха! На тебе нож. Дарю.

Карлос протянул Педро маленький складной нож.

– Спасибо, – искренне поблагодарил тот.

Грузчик вставил доски на место и забил их гвоздями, после чего прыгнул вниз и накрыл подобранным с земли куском картона нарядные банки, весело выглядывавшие из корыта на колесах. Откатив тачку с консервами подальше от причала, он остановился и, постучав себя пальцем по темени, произнес вслух:

– Вот идиот! Я всегда говорил, что он – ненормальный. Каким, интересно, образом, и куда он будет испражняться? Там ведь даже штаны не снимешь!

Карлос рассмеялся, пожал плечами и, приподняв тачку, покатил ее в сторону двадцать четвертого склада, где работал этот жулик Диего, покупавший все подряд, и торговавший – чем попало.

Настроение у Карлоса было чудесным.

Часть вторая

Москва. 1984 год

Глава первая

Камера была довольно просторной и представляла собой квадратное помещение размером четыре на четыре метра. Слева узкие деревянные нары жестко крепились к стене. В дальнем правом углу находились раковина с краном и унитаз. Под раковиной стоял пластиковый тазик и в нем кисла вонючая половая тряпка неизвестного цвета. Еще имелся деревянный табурет с короткими толстыми ножками.

Педро подошел к унитазу. Это было странное сооружение. Он никогда ранее не видел таких конструкций. Внизу в пол была вмонтирована железная плита с ребристой поверхностью, в задней, ближней к стене части которой находилась узкая дырка. К стене же крепилась и труба, заканчивающаяся в двух метрах над полом довольно большим сливным бачком. Сбоку от бачка торчал подозрительно мощный рычаг. Гонсалес, ради эксперимента, взялся за него рукой и потянул вниз. Раздалось рычание, и вода с ревом устремилась по трубе вниз. Педро с криком отпрыгнул от унитаза. Вода с бешеной скоростью вырвалась на простор железной плиты и забурила водоворотом над сливным отверстием. Волны с неистовой силой принялись бить в невысокие бортики, швыряя брызги вокруг. Некоторые из них долетели даже до нар.

Гонсалес понял, что если пользоваться этим чудо-унитазом неаккуратно, и быть не метким по отношению к слив-

ной дырке, то вода разметет дерьмо по всей камере и заляпает стены. Ему тут же подумалось, что у русских всегда все не так, как у цивилизованных людей, хотя и не исключалась возможность изобретения таких унитазов с целью дополнительного издевательства над заключенными. Ведь уборщиков здесь, скорее всего, нет, и отмывать камеру придется самому. Теперь Гонсалесу предстояло научиться точно попадать в цель, то есть заниматься своеобразной ректальной тренировкой...

В углу за унитазом стояла решетчатая пластмассовая урна. Она была пуста. Гонсалес почти сразу понял, для чего она нужна. В пределах досягаемости от нее находилась холодная по случаю лета чугунная батарея. Все пазы в ней были заткнуты обрывками газет. Педро догадался, что печатная периодика в СССР – это и есть пипифакс. Он вытащил одну из страниц, разгладил, и обнаружил на ней отпечатанную черно-белую фотографию. Какой-то негритянский лидер с короной на голове целовался в засос с одним из советских руководителей. Глаза руководителя были хитро прищурены. Лидер же смотрел бодро и весело. Отойдя от унитаза, Гонсалес улегся на нары.

Его привезли ночью. В темном колодце двора Педро вывели из автофургона и прошли с ним в узкую полуподвальную дверь здания. После этого он с двумя сопровождающими долго блуждал по плохо освещенным коридорам, пока не

оказался в кабинете, где его допрашивал полковник Фролов. Потом его отвели в нынешнюю камеру, которая находилась четырьмя этажами ниже. Педро лежал на нарах и вспоминал события последних дней...

Этот недоумок Карлос перепутал пирамиды с грузом, и Гонсалес оказался не в Чили, а в Советском Союзе! Хуже этого могло случиться только одно – прямое попадание в Израиль. Педро подумалось, что хорошо, хоть, официального цыганского государства не существует. Но все равно, положение, в которое попал по вине аргентинца, было чудовищным! Спустя десять дней после начала плавания он начал догадываться, что сухогруз идет далеко не в Чили. Но попасть в Россию?! Педро не мог себе этого представить даже во сне...

В ящике было очень неудобно. Гонсалес жалел о том, что они с Карлосом не выбросили еще несколько рядов банок. И хотя пустые жестянки от съеденных консервов он сплющивал, места от этого прибавлялось совсем немного. А вычислили его именно по запаху.

В один из дней судно, наконец, остановилось, и портовый кран, подхватив пирамиду с ящиком, в котором страдал Педро, поставил ее на твердую землю. В щели сразу же проник свежий воздух, и Гонсалес, находившийся в забытьи, пришел в себя. Он услышал раздававшиеся снаружи голоса. Люди с другой от дощатой стенки стороны общались на каком-то непонятном, но странно знакомом языке. Несколько

человек громко ругались. В речи их постоянно проскальзывало одно короткое, смутно знакомое слово. В голове Педро неожиданно всплыло воспоминание...

Горящий танк с черно-белым крестом. Он – молодой офицер – достает из него двух раненых солдат, поочередно волоком перетаскивает их в ближайшую воронку и перевязывает раны. Оказание помощи приходится прекратить, так как возникла необходимость стрелять в небольшую группу русских солдат, бегущих по полю к воронке. Копченые, невымытые их лица полны ярости. Они кричат, постоянно употребляя непонятное короткое слово...

Потом госпиталь, кровать, боль, железный крест от фюрера... Нет, это к делу не относится. Другое воспоминание...

Медицинский блок. Тощий, изможденный русский солдат лежит связанным в цинковой ванне. Он полностью обложен кусками льда. Проводится один из опытов по изучению порога смертности при обморожении. Тонкий хрящеватый нос солдата торчит вверх, два огромных глаза на лице, высохшем от голода, горят неукротимой ненавистью, а изо рта постоянно вылетает слабый немощный крик, состоящий из одной и той же фразы. Она содержит всего три слова, и последнее из них именно то, что произносили солдаты, бежавшие в сторону воронки... Как объяснил один из лагерных офицеров, знавших русский язык, слово это в грубой форме означает мужской половой орган.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.